

Лукьянцев А.С.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ «КОНЕЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ» СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДО 2010 И 2020 ГОДОВ

Аннотация. Эффективное планирование экономики на долгосрочный период подразумевает под собой качественное видение процессов, которые оказывают всестороннее влияние на развитие общества. Важность принятия государством доктринально обоснованных идей по совершенствованию социально-экономической и политической ситуации позволяет формировать стратегический дискурс. В связи с этим возникает острая потребность в обосновании актуальности выбираемого политического курса.

В данной статье предпринимается попытка анализа компонентов модернизации в вариантах Стратегий, принятых до 2010 и 2020 годов.

Ключевые слова: Стратегия-2020, Стратегия-2010, модернизация, планирование, государственная политика, социально-экономическое положение.

Abstract. Effective economic planning for the long term implies a qualitative vision of processes that have a comprehensive impact on the development of society. The importance of the adoption by the state of doctrinally grounded ideas on the improvement of the socio-economic and political situation makes it possible to form a strategic discourse. In this regard, there is an urgent need to justify the relevance of the chosen policy.

This article attempts to analyze the components of modernization in the versions of the Strategies adopted before 2010 and 2020.

Keywords: Strategy 2020, Strategy-2010, modernization, planning, state policy, social and economic situation.

Стратегическое планирование экономического и политического устройства является трудоемким процессом для экспертных групп, ответственных за определение перспектив развития экономики, политики, социальной конструкции государства. В частности, становление крупного капитала, трансформация системы государственно-частного партнерства, а также социально-экономические периоды беспокойства наводят высший истеблишмент на мысли о необходимости коренных перемен. Отсюда и возникают размышления о том, чтобы запланировать жизнь граждан и всего государства на достаточно продолжительный отрезок времени в соответствии с перспективами, которые представляются важными.

Под стратегическим планированием (стратегией) мы будем понимать определенный инструментарий, трансформирующийся под влиянием изменений, происходящих во внутренней и внешней среде¹⁴. Мы также видим

¹⁴ Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание: пер. с англ. / под ред. А. Н. Петрова. СПб. :

процесс, с помощью которого сообщества рисуют картину своего будущего исходя из ресурсов, определенных условий, а также определяют этапы и конкретные мероприятия для достижения поставленных целей¹⁵.

Далее, для того, чтобы определить модернизационные особенности Стратегий, необходимо ввести концепт модернизации. Она представляет собой процесс перехода от одной главенствующей системы развития к принципиально иной. Сделаем поправку на то, теории модернизации по-разному объясняют трансформационный процесс. В данном случае, остановимся на идеях Р. Инглхарта и К. Вельцеля¹⁶. Авторы определяют модернизационный процесс как совокупную последовательность: социально-экономическое развитие – культурные изменения – политические изменения. Их идеи будут раскрываться далее и лягут в теоретическое осмысление нашего рассуждения.

Отдавая себе отчет в том, что реформаторский путь исправления экономической ситуации не может быть продиктован сиюминутно и в узконаправленном пространстве, мы понимаем, что в Стратегию социально-экономического развития закладываются не просто показатели финансового порядка, но и той или иной степени, социальные, политические, духовные отношения сообщества. Данное обстоятельство формирует наш исследовательский интерес и позволяет подойти к поставленной цели последовательно, рассматривая модернизационные «конечные эффекты» реализации Стратегий-2010 и 2020. Современные исследователи Кусек и Рист (Kusek J. Z., & Rist R.C.) говорят о показателях эффективности стратегического планирования, в частности, они выделяют отдельным пунктом «конечные эффекты». Их необходимо рассматривать в качестве степени достижения целей и задач и/или изменения в состоянии целевой аудитории стратегического планирования¹⁷.

Стратегия – 2010

Рассмотрение Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 года (Стратегия-2010), происходит с учетом протекающих в политическом внутреннем поле государства серьезных структурных изменений.

Питер, 2009. 344 с.

¹⁵ Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России / Б. С. Жихаревич [и др.] ; под общ. ред. С. А. Васильева. СПб. : Леонтьевский центр, 2003. 384 с.

¹⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

¹⁷ Kusek J. Z., Rist R. C. Ten steps to a results-based monitoring and evaluation system : a handbook for development practitioners. Washington : World Bank. 2004. 248 p.

Кризис 1998 года стал своеобразным рубежом рыночных реформ постперестроечного времени, когда стало понятно, что продолжать жить так, как раньше, теперь не получится. Современный российский исследователь Е.Г. Ясин, отмечает, что формирование социальной и политической базы становления среднего класса в России было основательно подорвано, и населению пришлось заплатить ценой собственных сбережений за ошибки властного корпуса и нерешительность в проведении назревших реформ¹⁸.

1998 год преподнес урок для властно-управленческого корпуса, а поэтому команде нового президента В. Путина необходимо было быстро реагировать на мощнейшие стимулы проведения реформ в России. Источником преобразований должны были стать доктринально оформленные идеи экономистов, чиновников, политических экспертов, заключенные в единый документ – Стратегию-2010. Таким образом, политическая составляющая стратегической основы развития России на 10 лет закладывалась на основании срочных реформ рынка и мировоззрения.

Текст проекта Стратегии до 2010 года начинается с вполне нетривиальных мыслей для начала 2000-х годов относительно того, что на рубеже нового тысячелетия «Россия утратила положение страны-сверхдержавы и столкнулась с угрозой оказаться на периферии формирующегося нового мира»¹⁹. Осознание того, что перемены необходимы, подталкивает государство формировать своеобразную повестку дня. Это должно было дать дополнительные импульсы для системной работы над документом. Однако единственный представленный представленным для открытого доступа отчет прошел лишь предварительное рассмотрение²⁰. Дальнейшей всесторонней доработки со стороны профильных ведомств и заинтересованных групп не последовало; утверждение проекта Стратегии произошло в ускоренном режиме. Как отмечают представители Центра стратегических разработок (ЦСР), ситуация, которая складывалась вокруг обсуждения и принятия Стратегии была весьма показательной «для работы правительства тех лет»²¹.

Если обратиться к целевым установкам Стратегии-2010, то мы увидим,

¹⁸ Ясин Е. Г. Новая эпоха—старые тревоги: Экономическая политика. М., 2015. 456 р.

¹⁹ Проект Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/documents/Strat1.htm> (дата обращения: 30.04.2017).

²⁰ Стратегия-2010 : итоги реализации 10 лет спустя. М. : Центр стратегических разработок, 2010. С. 6.

²¹ Дмитриев М. Э., Юртаев А. С. Стратегия–2010: итоги реализации 10 лет спустя // Экономическая политика. 2010. № 3. С. 110.

что авторы уделяют внимание модернизационному аспекту, который бы позволил радикально поднять уровень жизни населения, снизить социальное неравенство, сохранить независимость и культурные ценности, восстановить экономическую и политическую роль России в мировом сообществе. Можно отметить, что, в целом, Стратегия является экономической картой будущего российского сообщества, но и в ней существуют вкрапления политических, социальных и духовных основ. Это является важным посылом, так как детерминированность экономического порядка не может обеспечить эффективную модернизацию, а качественный синтез основополагающих индикаторов, позволит справиться с вызовами современности.

Политическая повестка принятия Стратегии предельно ясна – экономическая и социальная нестабильность не позволяет государству развиваться должным образом. Путь, выбранный государственными мыслителями понятен – модернизация.

В понимании Р. Инглхарта и К. Вельцеля модернизация действует эффективно там, где процесс человеческого развития расширяет пространство самостоятельного выбора²². Она же формирует общество нового типа, которое ранее не существовало. Если перекладывать их теоретическую конструкцию на российскую действительность и Стратегию-2010, то мы увидим желание топ-менеджеров и экспертов, разрабатывавших Стратегию, сформировать сильный средний класс, предпринимательскую основу, независимую модель финансовых институтов.

Обратившись к целям и степени реализации Стратегии социально-экономического развития, увидим отнюдь не утешительную картину. Из 11 полномасштабных целевых установок, по мнению М. Дмитриева и А. Юртаева, представителей ЦСР, на 100% реализуемость была зафиксирована среди таких показателей, как резкое повышение уровня жизни населения; удвоение ВВП; поддержание платежеспособности государства. Сохранение независимости и культурных ценностей России – реализована на 75%; поддержание социально приемлемых уровня и структуры занятости, а также возникновение культа образования, самооценности и независимости личности по 25% на каждую. Оказались оторванными от реальности цели, которые так и не были реализованы: возникновение и развитие общественных институтов;

²² Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 433.

повышение действенности местного самоуправления; прогрессивные сдвиги в структуре экономики; увеличение конкурентоспособности российской экономики; упрочение независимости судебной системы и безусловное исполнение законов²³.

Говоря о культурных изменениях, стоит обратить внимание на то, что российское сообщество не смогло за неполных 10 лет сформировать в себе привычки стабильно развивающегося среднего класса, устремленности к меркантилистской структуре быта. Существует мнение, что сфера «формирования адекватных требованиям глобальной экономики системы производственных отношений» среди экономически активных граждан откровенно не дала результатов²⁴.

Как нам видится в целом, основная задача реализации Стратегии-2010 не была реализована в принципе. Можно считать, что модернизационный контекст был сформирован поверхностно без опоры на ситуационные издержки экономики, духовно-нравственного состояния, и, конечно же, политическую систему России.

В целом, мы видим, что модернизационный «конечный эффект» абсолютно не соответствует заявленным целям. Модернизация в соответствии со Стратегией-2010, оказалась в заложниках институциональной инженерии как социальной, духовной, так и политических сфер. Укоренение демократических тенденций происходило медленно и не соотносилось с базовыми показателями экономического роста, а если это и работало, то только за счет высоких цен на углеводороды и экспортируемые товары, связанные с добывающей промышленностью.

Стратегия – 2020

Финансовый кризис, а также постепенный ценовой спад на нефть сводил счеты с изживавшей свое время и ресурсы Стратегией-2010. Негативные процессы мировой экономической конъюнктуры способствовали скорейшему принятию в 2008 году обновленной версии – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Стратегия-2020). Для справки отметим, что по состоянию на 4 июля 2008

²³ Дмитриев М. Э., Юртаев А. С. Стратегия–2010: итоги реализации 10 лет спустя // Экономическая политика. 2010. № 3. С. 110.

²⁴ Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 41.

года нефть марки Brent достигла исторического максимума в 143,95 \$, а уже 26 декабря того же года обвалилась до 33,73 \$. Подъем начался лишь в июле 2009 года; средневзвешенная цена 2009 года составила 61,74 \$ за баррель²⁵.

Стратегия-2020 прошла свое становление в период президентства Д. Медведева, когда политический дискурс во внутреннем пространстве России формировался вокруг концептов «модернизации» и «инновации», а также связанных с ними грандиозных планов по образованию центров «Сколково» и «Инноград».

Если обратиться к целевым ориентирам Стратегии-2020, то увидим идеализированные представления о всесторонних успехах России: «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015 – 2020 годах Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности). Достижение этой цели означает формирование качественно нового образа будущей России к концу следующего десятилетия»²⁶.

Незавершенная миссия формирования среднего класса в России на основе модернизации социально-экономического потенциала государства, переросла в видение постиндустриальной экономики, то есть сервисную отрасль («экономику впечатлений»). Соответственно, в логике Р. Флориды, движущей силой такой экономики выступает креативный класс. Здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом – Стратегия-2010 не смогла дать нам вполне ясного представления о том, что есть средний класс в России, а Стратегия-2020 поставила поистине невообразимую цель – совершить скачок к креативному классу постиндустриального общества. Сам исследователь дает такое определение этой социальной общности – люди, создающие новые идеи, технологии и автономное креативное содержание²⁷.

Увы, социально-экономическая повестка дня не позволяет говорить о

²⁵ Динамика цен на нефть с 1990 г. Досье [Электронный ресурс]. URL:<http://tass.ru/ekonomika/1572991> (дата обращения: 30.04.2017).

²⁶ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р : ред. от 08.08.2009.

²⁷ Florida R. The rise of the creative class. And how it's transforming work, leisure and everyday life. N. Y., 2002. 404 p.

каких-либо серьезных структурных изменениях в культурной среде. Это происходит потому, что сама по себе Стратегия не дает нам сейчас возможности рассуждать о смене мировоззренческих основ гражданского участия, сопереживания, а лишь формирует вокруг своей оси надежды на лучшее будущее. Становится все более очевидным, что при снижении уровня жизни, покупательной способности, наступило время, которое было охарактеризовано российским социологом, директором «Левада-центр» Л.Гудковым, как «надо терпеть»²⁸. Понятно, что общество в перманентной стадии терпения, как правило, не будет готово формировать креативный класс.

Так называемая эмансипационная теория демократии Р. Инглхарта и К. Вельцеля говорит о том, что политическая культура гражданина отображает тенденции трансформации, становления нового образа мышления и действия (той самой эмансипации). Наступает вера в лучшее будущее, подкрепленная конкретными действиями со стороны различных акторов. Этого на практике в России мы не наблюдали. 2016 год – это третий этап модернизации в соответствии со стратегическими планами государства до 2020 года. Именно сейчас должна произойти кардинальная смена парадигмы мировоззренческой основы гражданского участия, духовного совершенствования общества. Ради справедливости констатируем, что общество сегодня нацелено на максимальное сбережение, повышение своей лояльности к действующим политическим элитам. Такое положение дел связано серьезными изменениями во внешней конъюнктуре, что позволяет говорить о крайне низком продвижении культурного аспекта как одного из важных элементов модернизации.

В определенной степени, можно считать, что культурная основа российского общества все больше вплетается в логику М. Хайдеггера о «неопределенном субъекте». Такой субъект для мыслителя представляет социальную безликость, навязываемую личности. Она способна разрушить аутентичность собственного «Я» в пользу ложной мысли²⁹. Уподобление одного социального субъекта другому происходит путем размывания действительности, подмены истинного ложным. В связи с этим, утопичность и использование ярко выраженных яковинских лозунгов о всесторонней модернизации, изменении парадигмы мировоззрения, развитии человеческого капитала позволили гражданам впасть в состояние «неопределенного субъекта», из которого

²⁸ Мечты о прошлом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/04/19/mechty-o-proshlom/> (дата обращения: 30.04.2017).

²⁹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. 503, [9] с.

достаточно тяжело выбрать.

В целом, говоря о политическом развитии в рамках Стратегии-2020, обозначим, что реформы государственного управления, властной системы не предполагалось. Как и в предшествующем варианте доктринального оформленного развития, где пункт относительно реформы государственного управления был опущен и представлен только в экспертном варианте, государство полностью сосредоточилось на реализации социально-экономических обязательств.

Выделяя модернизационные «конечные эффекты», обратим свой исследовательский взор на то, что при разработке и реализации Стратегии-2020 была упущена связь с реальностью. Это не позволяет всецело сосредотачиваться на тех пунктах, которые были представлены авторами. Идеализированное будущее является хорошим лишь тогда, когда все заинтересованные акторы смогут подойти к реализации положений в соответствии с устремленностью к улучшению человеческого капитала, макро- и микроэкономических показателей, социальной политики, сохранения культурных ценностей.

Известно, что 2014 год внес те коррективы в планы российских экономистов и политиков, которые невозможно было учесть. Поэтому говорить о том, что остается хоть какая-то надежда на более-менее скорректированные показатели развития в рамках Стратегии-2020 не представляется возможным. Констатируем, что санкционная политика позволила в ускоренном режиме запустить модернизационный эффект диверсификации промышленности, снижать зависимость от «нефтяной иглы», создавать собственные технологические процессы. Однако мы понимаем, что такая повестка дня обязана не Стратегии-2020, а внешнеполитическим особенностям последних лет.

В итоге, перед нами стояла цель выявления модернизационных «конечных эффектов» предыдущих версий до 2010 и 2020 годов. Соответственно, мы можем сделать ряд выводов:

1) Стратегии социально-экономического развития России до 2010 и 2020 годов представляли для государства важные структурные композиции, которые позволили определять «болевы точки» управления, экономического состояния. Однако они не были способны реагировать на сиюминутные вызовы, которые

формировались чаще всего не по воле внутренних акторов, а внешних конъюнктурных трансформаций.

2) Необходимость выработки стратегий была продиктована спадом российской экономики вследствие внешних стимулов, а также темпоральными особенностями государственного управления (иначе – пришло время действенных реформ).

3) Существует опасность того, что нынешняя версия Стратегии потерпит сокрушительное падение, если от государства не последует конкретных позывов и рекомендаций по реализации, а также системного видения предполагаемых результатов к 2030 году.

4) Сценарий всесторонней модернизации будет приведен в исполнение при активном включении государственных и общественных институтов на равных правах и условиях. Паритетность в устремлении к будущим успехам – есть одно из важнейших правил игры на долгосрочный период времени.

Библиографический список

1. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание : пер. с англ. / И. Ансофф ; под ред. А. Н. Петрова. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 344 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 512 с.
3. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 28–41.
4. Дмитриев М. Э. Стратегия–2010: итоги реализации 10 лет спустя / М. Э. Дмитриев, А. С. Юртаев // Экономическая политика. – 2010. – № 3. – С. 107–114.
5. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва : Новое изд-во, 2011. – 464 с.
6. Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России / Б. С. Жихаревич, [и др.] ; под общ. ред. С. А. Васильева. – Санкт-Петербург : Леонтьев. центр, 2003. – 384 с.
7. Ясин Е. Г. Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика / Е. Г. Ясин. – Москва : Новое изд-во, 2015. – 456 с.
8. Florida R. The rise of the creative class. And how it's transforming work, leisure and everyday life / R. Florida. – New York : Basic Books, 2002. – 404 p.
9. Kusek J. Z. Ten steps to a results-based monitoring and evaluation system : a handbook for development practitioners / J. Z. Kusek, R. C. Rist. Washington : World Bank, 2004. – 248 p.